

ТКАНЬ ЛЖИ

Лира Майерс

18+

Валерия Хасанова

Ткань лжи

«Автор»

2026

Хасанова В. А.

Ткань лжи / В. А. Хасанова — «Автор», 2026

Софья Ветрова приходит в офис Игоря Арманова с одной целью — отомстить. Она уверена: этот человек виновен в смерти её матери, модельера Елены Ветровой. Но вместо того чтобы уничтожить врага, она находит в его архиве письма, эскизы и правду, которая переворачивает всё. «Ткань не врёт, — говорила мама. — Она либо держит форму, либо рвётся. Как человек». История о мести, которая превращается в прощение. О любви, которая рождается из боли. О ткани, которая помнит всё.

© Хасанова В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последняя ночь	6
Глава 1. Тройная строчка	7
Глава 2. Четырнадцать ступеней	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерия Хасанова

Ткань лжи

«Ткань лжи»
Роман

Пролог. Последняя ночь

Март 2017

Я знала, что умру весной. Не потому, что врач сказал — он говорил осторожно, обтекаемо, прятал глаза. Я знала потому, что ткань под моими пальцами стала другой. Раньше она отвечала на прикосновение — теплела, ложилась по руке, слушалась. Теперь молчала. Как будто я потеряла право говорить с ней.

Я сидела в студии одна. Ночь, за окном морось. Я смотрела на капли и думала: вот так же ползёт время — медленно, упрямо, не спрашивая разрешения.

На столе лежал лист ватмана. Я взяла карандаш. Пальцы дрожали — последние месяцы они всегда дрожали по утрам, потом отпускало. Я ждала. Считала удары сердца. Сорок три. Сорок четыре. Отпустило.

Я начала рисовать.

Платье. Длинное, с открытыми плечами, линия талии чуть завышена. Ткань — шёлк, струящийся, тёплый. Я видела его так ясно, будто оно уже висело передо мной. Я знала, для кого.

Для Софы. На её свадьбу.

Она ещё не знала, что выйдет замуж. Ей было двадцать два, она училась на дизайнера, влюблялась и разочаровывалась, приходила домой с горящими глазами и рассказывала мне про мальчика, который не позвонил. Я слушала и улыбалась. Я знала: тот, кто нужен, ещё не пришёл. Но он придёт. И я хотела, чтобы в этот день на ней было моё платье.

Я рисовала до четырёх утра. Потом отложила карандаш и посмотрела на лист. Линия получилась чистой. Рука не подвела.

Я сложила эскиз в папку. Таких папок у меня было три. В первой — платья. Во второй — костюмы. В третьей — то, что я не могла объяснить словами: пальто, жакеты, юбки. Всё для неё. Всё на будущее, которого у меня не будет.

Я встала, подошла к окну. Город спал. Где-то далеко, за рекой, горел один фонарь. Я смотрела на него и думала о том, что оставляю после себя.

Не деньги — их не было. Не славу — она была хрупкой. Я оставляла дочь и мужчину, который обещал мне позаботиться о ней. Я знала, что он сдержит слово. Игорь всегда держал слово. Это было и его проклятием, и его спасением.

Я вернулась к столу и написала письмо. Одно. Короткое. Я знала: если напишу больше, Софа утонет в словах. А я хотела, чтобы она нашла не слова, а правду. Правду — в эскизах, в архиве, в человеке, которого она будет ненавидеть.

Я запечатала конверт. Положила в папку. Сверху — эскизы.

Потом легла на диван и закрыла глаза. За окном начинался рассвет. Серый, как всё последнее время.

Я не боялась. Я устала. Это разное.

Глава 1. Тройная строчка

В приёмную я зашла в десять. Ровно. Я всегда прихожу вовремя — это единственное, чему меня научила мама, кроме шитья. «Опоздание — это неуважение к чужому времени, — говорила она. — А неуважение к времени — это неуважение к жизни».

Секретарша подняла голову медленно, как будто её оторвали от чего-то важного. Её звали Екатерина — я узнала это позже. Тогда я увидела только птицу: маленькую, с острыми плечами, в тёмно-синем жакете, который сидел на ней как броня. Она скользнула взглядом по моим туфлям — дёшево, но аккуратно, масс-маркет, который я перешила на свой лад. Потом по платью. Оно сидело идеально, потому что я сшила его сама, по лекалам, которые выучила наизусть, когда мама ещё была жива.

Чёрное. Простое. Рукава три четверти. Открытая спина. Я выбрала его специально — чтобы он увидел шрам на левой лопатке. Маленький, от падения с велосипеда в двенадцать лет. Мама тогда шила мне платье, и я плакала, потому что боялась, что шрам будет видно. А она сказала: «Ткань не врёт, Софа. И твоё тело — не врёт. Оно рассказывает твою историю. Ты не должна прятать её».

Секретарша перевела взгляд на моё лицо. И я увидела в её глазах узнавание. Она знала, кто я. Или догадывалась.

— Софья Ветрова, — сказала она. Не вопрос.

— Да.

Она кивнула на дверь и снова уткнулась в монитор. Но пальцы её замерли над клавиатурой на пару секунд. Она ждала. Может, думала, что я развернусь и уйду.

Я не ушла.

Я толкнула дверь. В лицо ударило деревом и виски — дорогой, мужской, плотный запах, который оседал на языке горьковатым привкусом. Я замерла на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Внутри было темно. Только настольная лампа горела, выхватывая из темноты стол, бумаги, стакан с водой и ручку с перламутровой ручкой.

Игорь Арманов сидел в кресле спиной ко мне. Кресло было развёрнуто к окну, и я видела только его затылок — коротко стриженный, тёмный, с лёгкой сединой на висках. Седые нити поблескивали в свете лампы, и я вдруг подумала: ему сорок пять. Всего сорок пять. А выглядит на пятьдесят. Годы не щадили его — или он сам не щадил себя.

Он не обернулся. Не повернул головы, не шевельнулся. Просто сидел и смотрел в окно на серое московское небо. За окном были тучи — тяжёлые, свинцовые, готовые пролиться дождём.

Я смотрела на них и думала о том, что мама умерла в такой же день. Серый, холодный, дождливый. Я стояла на кухне и мыла посуду, когда зазвонил телефон. Я помню, как мыло стекало по моим пальцам, как я вытирала руки о полотенце, как услышала голос из трубки — чужой, официальный, безжалостный: «Ваша мать умерла. Остановка сердца».

Я упала на колени. Пол был холодным. Я не могла дышать.

Игорь знал. Он был там. Он держал её за руку. Он слышал её последние слова. И молчал.

Я стояла и считала удары сердца. Сорок три. На сорок четвёртом он нажал кнопку селектора и сказал:

— Кофе не надо.

Голос низкий, хриловатый, с лёгкой картавинкой, которая делала его похожим на человека, который много курит или много молчит.

Я сжала кулаки. Боль была острой, реальной — она помогала не отключаться. Без боли я бы, наверное, упала.

Он развернулся. Кресло скрипнуло, и я увидела его лицо в полном свете. Серые глаза, тяжёлые, с припухшими веками — либо не спал сутки, либо пил, либо и то и другое. Скулы острые, как лезвия, под ними — тени, которые делали его лицо почти хищным. На правой щеке — свежая царапина. Красная, тонкая. Мужчины не оставляют такие царапины случайно. Он не брился сегодня — или брился, но дрожал.

Он смотрел на меня несколько секунд, изучал, взвешивал. Я чувствовала его взгляд на своей коже — как прикосновение. Потом он усмехнулся. Усмешка была кривой, горькой, без тени радости.

— Ваше резюме. — Он взял со стола листок и повертел в пальцах. Бумага хрустела, и я слышала каждый звук. — Я прочитал его три раза. И знаешь, что я понял? Ты не ищешь работу. Ты ищешь вход. Вход в мою жизнь. В мой кабинет. В мою голову. — Он поднял на меня глаза. — Я прав?

Я молчала.

Он встал, подошёл к окну, встал так, чтобы свет падал на меня, а не на него. Это был приём — он хотел видеть моё лицо, а я его — нет. Я знала этот приём. Мама учила меня ему: «Всегда садись так, чтобы свет падал на собеседника. Тогда ты видишь его страх».

— Я посмотрел на твой подол, — сказал он. — Там те же линии, что в моей весенней коллекции. Ты копировала мои эскизы. Или училась по ним. Или мстишь мне через них. — Он повернулся. — Что из этого правда?

Я выдохнула. Медленно, чтобы голос не дрогнул.

— Я училась по вашим лекалам. Это не кража. Это анализ. — Я сделала шаг вперёд. — Но вы правы — я сшила это платье сама. Научилась у матери. Она говорила: «Ткань не врёт. Она либо держит форму, либо рвётся. Как человек».

Он усмехнулся, но в глазах мелькнуло что-то — узнавание? Боль? Я не могла разобрать. Он молчал несколько секунд, и в этой тишине я услышала, как за окном начинается дождь. Капли стучали по стеклу, размывая очертания города.

— Снимите пиджак, — сказал он.

Я расстегнула пуговицы. Ткань скользнула по плечам, и я почувствовала, как холодный воздух коснулся моей кожи. Он подошёл близко — я почувствовала его дыхание на своей шее. Запах табака и мяты смешался с деревом. Странно, резко.

Он взял мою руку, поднял вверх, провёл пальцем по внутреннему шву — от локтя до плеча. Кожа нагрелась, по спине побежали мурашки.

— Тройная строчка. — Он сказал это тихо, почти шёпотом. — Ты потратила на это три часа. Может, четыре. Это не страсть. Это одержимость. Ты шьёшь, чтобы забыть. Или чтобы мстить.

— Я шью, чтобы помнить.

Он замер. На секунду его пальцы перестали двигаться. Потом он сдвинул воротник пиджака на полсантиметра и посмотрел на метку внутри — я всегда вышиваю там инициалы. С. В. Синими нитками. Мама научила меня: «Всегда оставляй след, Софа. Чтобы никто не мог украсть твою работу».

— Софья Ветрова. — Он прочитал вслух. — Дочь Елены Ветровой.

Я дёрнулась. Он не отпустил руку, только сжал запястье крепче.

— Вы знали мою мать.

— Я знал твою мать. — Он отпустил меня и отошёл к столу. — Она была лучшим модельером, которого я видел. И самой большой ошибкой в моей карьере.

— Ошибкой? — переспросила я.

— Да. Я влюбился в её талант. И не заметил, как она разрушала себя. Я пытался спасти её. А она не хотела спасаться. — Он сел за стол, взял ручку, повертел между пальцев. — Она ушла от меня, потому что не могла простить, что я видел её слабость.

Я смотрела на него и чувствовала, как ненависть пульсирует в груди. Но внутри неё росло что-то ещё — сомнение. Страх, что он говорит правду.

— Ты пришла мстить, — сказал он. — На тебе лица нет. Тебя трясёт. Ты дышишь, как будто готовишься к драке. Или к убийству.

Я молчала.

Он встал, открыл дверь. В приёмной стояли три женщины в чёрном. Я видела их лица — каменные, безразличные. Они смотрели на меня, как на вещь.

— Я возьму тебя на работу, — сказал он. — Личным ассистентом. Без испытательного срока. Сегодня.

— Ты сошёл с ума.

— Возможно. — Он махнул рукой, и женщины разошлись. — Но мне нужен кто-то, кто не боится меня. Ты — единственная за пять лет, кто смотрит в глаза. Все остальные смотрят в пол или в пах. А ты — прямо. Это дорогого стоит. Даже если ты меня ненавидишь.

Он протянул мне телефон — разблокированный, на экране анкета. Белый фон, серые буквы. Простые строки: имя, фамилия, дата рождения, причина трудоустройства.

— Заполни. Сейчас.

Я взяла. Пальцы дрожали, когда я печатала. В графе «причина трудоустройства» я написала: «Профессиональный интерес». Я знала, что это ложь. Но я не могла написать правду.

Он прочитал через плечо и усмехнулся.

— Ты врёшь, но красиво. Я ценю это. Ложь, обёрнутая в правду, — лучший товар.

— Я не вру. — Я сама поверила в это на секунду. Потом вспомнила маму — её руки, опухшие от отёков, её бред:

«Игорь, зачем ты сделал это?». И я поняла — соврала. Профессионального интереса не было. Только месть.

Он посмотрел на часы. Десять двадцать.

— В двенадцать встреча с инвесторами. Ты будешь записывать. Молча. Никаких вопросов. Просто сидеть и смотреть.

— Я умею записывать.

— Посмотрим. — Он протянул мне ключ-карту. — Твой кабинет — рядом с моим. Третья дверь налево. В архив я пока не пускаю. Там вещи твоей матери. Ты не выдержишь.

Я сжала ключ. Металл впился в кожу.

— Ты не имеешь права хранить её вещи.

— Имею. — Он закрыл ноутбук и встал. — Она оставила их мне перед смертью. Завещание. Придёшь в архив через месяц, если не сбежишь. Я покажу всё.

Он вышел, оставив дверь открытой. Я стояла одна в пустой комнате. Запах дерева и виски смешался с запахом её духов. Или мне казалось. Я смотрела на пустое кресло, которое всё ещё хранило тепло его тела.

В коридоре секретарша подняла голову:

— Второй этаж, комната 208. Там стол, компьютер и коробка с бумагами. Будешь сортировать старые контракты. Три недели.

Я кивнула и пошла. На лестнице я насчитала четырнадцать ступеней. Ровно столько же было в нашей квартире на Якиманке, откуда маму выносили на носилках. Я помню, как я стояла на верхней ступеньке и смотрела, как её уносят. Я не плакала. Я не могла. Я просто стояла и смотрела.

В кабинете стоял сломанный стул, стол, заваленный папками, и фикус с засохшими листьями. Я села, положила руки на стол. За дверью зазвенел телефон. Секретарша сняла трубку и сказала: «Да, Игорь Сергеевич. Она уже на месте».

На столе лежала папка с моим именем. Внутри — фотокопия контракта между «Арман-стиль» и «Ветрова Е. А.», 2016 год. За три месяца до смерти мамы.

Я не стала читать. Если начну, не смогу работать. А мне нужно работать. Быть рядом с ним каждый день — и не сорваться.

Я взяла первую папку и начала перебирать бумаги. В приёмной играло радио. Где-то на третьем этаже Игорь отдавал распоряжения.

Через пятнадцать минут я встала. Секретарша ушла. Я быстро прошла к лестнице. Третий этаж, дверь с табличкой «Архив. Посторонним вход запрещён». Я дёрнула ручку — дверь была открыта.

Внутри пахло пылью и бумагой. Стеллажи до потолка, папки в три ряда. В центре — стол, покрытый слоем пыли. На нижней полке стояла коробка с надписью «Е. В. Личное». Я подошла, взяла её. На дне лежал конверт. Мамин почерк. Я узнала его с первого взгляда.

За спиной раздался голос:

— Я знал, что ты не удержишься.

Я обернулась. Игорь стоял в дверях, скрестив руки. В его взгляде не было злости — только усталость и горькая усмешка.

— Открой. Это тебе от неё. Она просила передать только после того, как ты устроишься. Я держал слово.

Я разорвала конверт. Листок, мамин почерк. Неровный, дрожащий, как будто она писала его в последнюю минуту.

«Софа, если ты читаешь это, ты уже встретишься с Игорем. Я не прошу тебя простить его. Но я прошу выслушать. Он не убивал меня. Он пытался спасти. Я просила его не говорить тебе правду — чтобы ты не искала виноватых. Но ты всегда была упрямой. Ты найдёшь правду. Она в этой коробке. Просто помни: иногда люди, которых мы ненавидим, оказываются единственными, кто был рядом. Прощай, дочка. Твоя мама».

Листок выпал из рук. Игорь подошёл, поднял его, не прикасаясь ко мне.

— Через месяц. — Он сказал тихо. — Я всегда держу слово.

Приходи через месяц. А пока — иди работать. Встреча с инвесторами через полтора часа. Ты нужна мне живой и работоспособной.

Я молча вышла из архива. Села в кабинете, открыла ноутбук. Пальцы дрожали так, что я не могла напечатать ни слова.

В дверном проёме появилась фигура. Игорь стоял и смотрел на меня. В руках — кружка. Чай с бергамотом. Он поставил её на край стола, развернулся и ушёл.

Я взяла кружку. Горячую. Крепкий, с лимоном, одна ложка сахара. Я не знала, откуда он знает этот рецепт. Но я выпила чай до дна. Месть может подождать месяц.

Глава 2. Четырнадцать ступеней

В пять тридцать я уже не спала. Будильник не ставила — всё равно. В три ночи перечитывала мамино письмо, потом смотрела в потолок, слушала, как соседи за стеной ссорятся из-за денег. Они делали это каждую ночь, и звук их голосов стал для меня чем-то вроде белого шума, который убаюкивает. Я знала их историю — муж потерял работу, жена хотела развода. Они кричали друг на друга так, что стёкла дрожали. Иногда я затыкала уши подушкой. Но сегодня я не могла.

Я встала, сварила кофе. Сожгла два тоста, потому что задумалась и забыла про них. На сковороде остались чёрные круги, которые я оттирала губкой, пока пальцы не покраснели. Выходила из дома в половине седьмого.

Осень стояла сырая, холодная. Ветер гнал по асфальту мокрые листья, и я смотрела на них и думала о том, как они похожи на письма — жёлтые, хрупкие, с прожилками. Я наступила на один, и он хрустнул под подошвой.

Офис открывался в девять. Я приехала в восемь. Проходная пустая. Охранник спал за стойкой, на экране монитора логотип «Арман-стиль» — две переплетённые буквы А и С, стилизованные под швейную иглу. Я провела картой, турникет пискнул. Охранник даже не проснулся — только повернулся на другой бок и что-то пробормотал во сне.

Лифт не работал. Красная лампочка над кнопкой горела, но кабина не ехала. Я пошла по лестнице. Четырнадцать ступеней на второй этаж, потом ещё двадцать две на третий. Я считала их каждый раз, как молитву. Четырнадцать — возраст, в котором я потеряла отца. Двадцать два — возраст, в котором я потеряла мать.

На четвёртом остановилась — дыхание сбилось, в бок кольнуло. Я прислонилась к стене, чувствуя, как холодный камень через тонкую ткань пальто проникает в кожу. Стена была старой, с выщербинами, на ней кто-то нацарапал «Коля + Маша» и сердечко. Я провела пальцем по надписи. Наверное, им было хорошо. А мне не было.

Архив закрыт. Я дёрнула ручку — заперто.

Спустилась на второй, зашла в кабинет. Фикус на подоконнике за ночь не ожил — листья всё так же свисали вниз, жёлтые, сухие. Я потрогала один, и он рассыпался в пальцах. Пыль. Всё вокруг было покрыто пылью — стол, клавиатура, подоконник. Я провела пальцем по столешнице, оставляя чёткую полосу.

Села, открыла ноутбук. Экран загорелся, и я увидела своё отражение в тёмном стекле — бледное лицо, тёмные круги под глазами, растрёпанные волосы.

Первый контракт — 2014 год, поставка тканей из Италии, четыреста двадцать тысяч евро. Подпись Игоря — мелкий, аккуратный почерк, буквы наклонены вправо, с чёткими засечками. Рядом — мамина. Я узнала её росчерк с первого взгляда: буква «Е» с петлёй вверх, буква «В» с завитком. Она учила меня так писать: «Ты должна оставлять след, Софа. Такой, чтобы его нельзя было подделать».

Я провела пальцем по её подписи. Бумага была тёплой — или мне казалось. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить её руки. Длинные пальцы, тонкие, с вечными следами от иглы. Она всегда говорила: «Руки модельера должны быть нежными. Потому что они дарят жизнь тканям». Я смотрела на свои руки и видела те же следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.